

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Без царя в голове

«Научная книга»

Серова М. С.

Без царя в голове / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

Бухгалтер Павел Чиликов обращается за помощью к частному сыщику Татьяне Ивановой с просьбой найти виновного в убийстве его жены Наденьки. Супруга везла в машине деловые бумаги, которыми Павел намеревался шантажировать своего зарвавшегося босса. Несмотря на то, что клиент подозревает в преступлении шефа, Татьяна вскоре убеждается, что последний хотя и конченый негодяй, но не убийца. Да и зачем ему идти на мокрое дело? Злополучные документы оказались безнадежно просроченными, а их ценность являлась плодом больного воображения горе-бухгалтера. Зато мертвая женщина на трассе – грустная реальность, и Иванова берется разобраться в причинах нелепой смерти и ее странных обстоятельствах....

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Марина Серова

Без царя в голове

Глава 1

«На сегодня ситуация на дорогах следующая: затруднено движение от Университетской до Танкистов, довольно плотное движение сохраняется на улице Столичной. Напомню также, что в это время перекрыто движение на улице Пензенской и произошло небольшое ДТП на проспекте Энтузиастов. Проект „Народная пробка“ предлагает...»

Удостоверившись в том, что на пути моего следования не предвидится никаких пробок, я облегченно вздохнула и, выключив «Авторадио», поставила в магнитола первую попавшуюся кассету. Слушать сегодня многочисленную рекламу и однотипные песни, прокручиваемые в день раз по двадцать, мне не слишком хотелось, тем более что утро у меня началось довольно бурно.

Где-то около шести, когда я еще пребывала в объятиях Морфея, меня разбудил телефонный звонок. Я взяла трубку, и на мою голову, словно лавина, тут же обрушился поток слов. Звонила соседка по площадке – Валентина. Как я поняла, в тот момент она находилась где-то за городом и ее бросил очередной любовник, даже не побеспокоившись о том, каким образом подружка доберется до дома.

Я всегда знала, что именно этим ее похождения однажды и закончатся, так как девушка совершенно не умеет разбираться в людях и готова ехать на край света с первым, кто ей улыбнется. Валентина вообще мало думает о завтрашнем дне, а потому постоянно влипает в какие-то неприятные ситуации. Сегодня ей непременно нужно было попасть вовремя на работу в ресторан «Вива», куда на днях она была принята благодаря смазливенькому личику.

Мне не составило труда догадаться, что если она не зарекомендует себя на испытательном сроке как пунктуальная и очень ответственная, то будет немедленно уволена. Понимала это и сама Валентина, потому-то и позвонила мне, умоляя забрать ее из того убогого места, где она находилась, и доставить в город, чтобы успеть к началу трудового дня.

– Где именно ты находишься? – поинтересовалась я у Вали, пытаюсь понять, почему, имея в руках телефон, она не могла заказать себе, скажем, такси или позвонить одному из тех ловеласов, что ошиваются возле нашего подъезда, демонстрируя всем свои навороченные тачки.

– Да в дачном поселке я, что по Краснооктябрьскому шоссе, – затараторила Валентина. – Тут такая глушь, ни машин, ни людей, а этот кретин...

Дальше слушать ее я не стала, по опыту зная, что, пока Валя не выскажет все, что думает про кретина, нахала и безмозглую сволочь, остановиться сама она не сможет. Поэтому прервала ее на полуслове и сразу же задала следующий вопрос:

– А откуда ты звонишь?

– Что?... А... Я у ночного сторожа дачного, еле выпросила разрешения один звонок сделать. Он с меня деньги содрать хотел, только где я их возьму, если этот урод мне и копейки не оставил.

Теперь стало ясно, почему Валя позвонила именно мне, – кто же еще станет вытаскивать ее из такой глуши, да еще в подобное время. В тысячный раз обругав себя за безотказный характер, я уточнила, где именно Валентина находится, и, повесив трубку, пошла собираться. Можно было бы, конечно, плюнуть на все, отказаться и попытаться продолжить сладкое пребывание в стране грез, да только уснуть вряд ли удастся. К тому же я хорошо знала, что потом не смогу посмотреть в глаза соседке, нередко меня саму выручавшей.

Вот потому сейчас я и катила по городу, надеялась только на то, чтобы не угодить в какую-нибудь затяжную пробку, количество которых в это время уже было невероятно большим и с каждым часом все увеличивалось. Это и неудивительно – тарасовцы стремились к месту своей работы.

Светило яркое осеннее солнышко, но на улице было прохладно. Чувствовалось, что подступают уже холода. Я поежилась. Да, стоят последние более или менее теплые деньки, осень заканчивается, и скоро придет пора переходить на зимнюю форму одежды и обуви. Зиму я, конечно, люблю, но с легкостью и без сожаления променяла бы ее на жаркое лето или теплую, богатую красками и дарами осень.

Впереди появился указатель на Красный Октябрь, и я облегченно вздохнула, радуясь, что за городом пробки мне уже не грозят и можно будет наконец увеличить скорость. Быстрая езда мне всегда нравилась, особенно по утрам, так как она помогает расслабиться и настроиться на активный новый день. В те моменты, когда я чувствую полное нежелание чем-либо заниматься, я всегда сажусь за руль и еду неважно куда, лишь бы просто ощущать, как слаженно работает двигатель и какую жизненную энергию он источает.

Я совсем уж было расслабилась и даже порадовалась тому, что Валентина подняла меня в такую рань, ведь как иначе я смогла бы полюбоваться на последние осенние пейзажи, с обеих сторон окружающие дорогу. Но тут увидела то, чего опасалась, находясь в городе. Впереди меня ожидала самая настоящая пробка – несколько машин в полном беспорядке заняли почти всю ширину дороги, а их водители собрались в кучку и о чем-то переговаривались. Чуть в стороне стояла машина «Скорой помощи». Где-то поблизости еще должна была быть и милицейская, так как я успела заметить снующих туда-сюда людей в серой форме.

Я тяжело вздохнула, предположив, что причиной скопления народа стало дорожно-транспортное происшествие, без которых в городе не проходит ни дня. Только этого мне сейчас как раз и не хватало! Я представила себе, как набросится на меня Валентина, если я приеду за ней с опозданием на час, и вздрогнула. Выслушивать гневные реплики в свой адрес из уст взбалмошной и не очень уравновешенной девицы мне очень не хотелось.

«Может, получится обрулить все это сборище?» – мелькнуло у меня в голове. Я внимательно всмотрелась вперед, выделив для себя уголок обочины, по которому вполне можно попытаться проскочить мимо, и направила свою машину туда. Но в глубине души уже зарождалось любопытство, упорно не дающее мне покоя, и я не смогла проехать, не окинув место происшествия своим профессиональным взглядом.

«Это совсем не моя область работы, – попыталась я остановить себя. – Тут пусть менты хозяйничают».

Но мой внутренний голос не желал ничего слушать и всеми силами толкал меня туда, где случилось столкновение.

«Ладно, взгляну одним глазком, пять минут задержки погоды не сделают», – решила я и притормозила свою бежевую «девятку».

Выглянув из открытого окна машины, я попыталась рассмотреть место аварии, но сделать это было не так-то просто. Я увидела только спины любопытных шоферов, готовых залезть на головы стоящим впереди них, чтобы рассмотреть место аварии и все то, что делают менты. Они толпились у оцепления, перемещаясь то в одну, то в другую сторону, словно медведи у закрытой бочки меда. Я поняла, что увидеть за их спинами и машинами что-либо мне вряд ли удастся, а времени на то, чтобы выходить, у меня не было.

Я тяжело вздохнула и хотела поехать дальше, но тут до меня донесся отрывок интересного разговора. Маленький мужичок пенсионного возраста, только что отошедший от любопытных на свободное место, расстроенно покачивая головой, забубнил себе под нос:

– Это же надо, какие подонки! Не постеснялись убить беззащитную женщину. Эх, вот молодежь-то пошла...

– А может, молодежь вовсе и ни при чем, – откликнулся стоящий к нему ближе других и явно задетый высказыванием парень лет двадцати пяти. – Мало ли хулиганов и бандитов на свете?

– Может, и не мало. Да только среди нашего поколения убивать женщин ни за что вроде как не принято, а у нее все деньги на месте.

– Ну ты, отец, даешь! По-твоему выходит, что убивать непременно должны из-за денег. Может, она кому помешала, вот и убрали ее, – продолжал свое рассуждение парень. – Сейчас такое часто случается. Зачем же все на молодежь списывать?

«Так, значит, это вовсе не ДТП, а самое настоящее убийство, – отвлеклась я от их разговора. – Стало быть, дело не так уж отличается от тех, которыми мне обычно приходится заниматься».

Спустя минуту в моей голове уже кружился целый рой предположений по поводу того, кто и зачем мог убить ту женщину, которая сидела за рулем «Ауди». А именно эта машина, как я выяснила по доносившимся до меня разговорам, сейчас стояла в центре оцепления. Материала для включения в работу воображения у меня, правда, было минимум, так как я даже не видела самого места убийства. Но, опираясь на свои прошлые дела, я все же легко выделила несколько основных причин, по которым, как правило, убивают человека.

Возможно, что женщину шлепнул родной муженек, решивший, например, прибрать к рукам состояние богатой жены или, скажем, не желающий отдавать ей детей после развода. Вполне возможно также, что дама не имела семьи, тогда на роль первого подозреваемого выходил любовник, постоянный или временный. В происшествии могла быть замешана ревность, причем как мужа, так и любовника или даже соперницы. А может быть...

Тут мои размышления прервал вой сирены «Скорой», которая, выехав из оцепления, теперь быстро удалялась в сторону города. Я вспомнила, что и мне самой пора ехать, иначе Валентина умрет раньше, чем ее уволят: от злости на весь белый свет. Причем для начала эту злость она изольет на мою голову.

Медлить с отъездом больше было нельзя, да и данное дело все равно будет взято на рассмотрение милицией, а я – частный детектив и занимаюсь только той работой, которую мне оплачивают. Еще немного поколебавшись, задержаться или ехать, я все же выбрала последнее и, надавив на газ, покатила от столпотворения в сторону опустевших дач.

* * *

Валентину я увидела сразу же, не успев еще даже въехать в дачный поселок, состоящий из довольно ветхих домиков, казавшихся в эту пору совершенно заброшенными. Она стояла посередине незаасфальтированной полутропы-полудороги и нервно озиралась по сторонам. Наконец заметила мою машину и быстро понеслась навстречу.

– Почему так долго? – налетела на меня Валя, как только я оказалась рядом. – Через сорок пять минут я должна быть на работе, но разве вот так можно туда явиться? – Она презрительно окинула взглядом свое одеяние и усмехнулась. – Чего только не делаешь ради этих уродов-мужиков, а они и половины женских стараний не заслуживают, – прокомментировала она свое отношение к противоположному полу, заметив на моем лице нескрываемое удивление, смешанное с шоком.

Такой Валентину мне видеть еще не доводилось. Она выглядела не просто не ахти как, а совершенно ужасающе: темные круги под глазами, являющиеся скорее всего следствием бессонной ночи, взлохмаченные каштановые волосы, из которых торчали шпильки, кое-как завязанная на груди розовая кофточка, юбка в пыли и паутине и размазанная по лицу помада. Не скрывая своего неодобрения, я еще раз посмотрела на девушку и предложила поторопиться – ехать-то предстояло прилично, а рассказать свои приключения она могла и по пути.

Валентина не заставила себя уговаривать. Уже через минуту она вертелась на соседнем сиденье и ковырялась в бардачке, выгребая из него все, что могло бы ей помочь привести себя в нормальный вид. Попутно она успевала исторгать проклятия в адрес некоего Андрея, который обещал ей фантастический вечер, а сам привез в такую глухомань. Ни свет ни заря укатил, якобы по делам, пообещав вернуться, но так и не объявился.

Я слушала Валью без особого внимания, так как меня больше интересовало то, что я увидела на дороге, направляясь за ней. Я надеялась, что, когда мы доедем до того места, где произошло убийство, там уже не будет такого количества машин и людей и мне удастся рассмотреть все получше. Но, к моему удивлению, менты быстро справились со своей работой: там, где недавно была пробка, не осталось ничего, даже намек на какое-либо происшествие. У меня в голове пронеслась мысль, а не показалось ли мне все это? Может, никакого убийства и не было? Проезжая по тому участку дороги, где совсем недавно толпился народ, я отогнала эту мысль – до шизофрении мне вроде пока далеко.

* * *

Вечерний, слегка приглушенный сине-фиолетовый свет электрических ламп нежно окутывал все вокруг. Деревья, дома, люди, идущие по проспекту, словно погрузились в серую дымку тумана. Никто никуда не спешил, да и незачем уже было торопиться, так как вечерние часы для того и предназначены, чтобы можно было провести их с пользой для души и тела, то есть отдохнуть. А отдохнула я сегодня по-настоящему хорошо.

Дело в том, что спустя две недели после того как я практически спасла Валентине жизнь, доставив ее вовремя к началу трудового дня, ее официально приняли на работу. Сегодня она пригласила меня в свой ресторан, дабы отблагодарить за услугу.

– За мной, кажется, должок есть? Не согласишься ли провести пару-тройку часиков в том месте, ради которого я тебя тогда подняла чуть свет? – сказала она, забежав с утра ко мне, и я не стала сопротивляться, решив посетить это новое для меня заведение.

Ресторан «Вива» был, пожалуй, единственный в городе, где мне еще не удалось побывать – не по причине отсутствия денег, а скорее из-за не слишком лестной его репутации. Про владельца ресторана говорили, что он спокойно закрывает глаза на то, что в его заведении принимают наркотики, и даже иногда спонсирует ими своих постоянных посетителей. Подобные вольности я не люблю, а потому, оказываясь перед выбором места для ужина или деловой встречи, предпочитала все что угодно, только не этот ресторан. Но на сей раз отказать соседке не могла и теперь ничуть о том не пожалела.

Хорошо проведя вечер в ее компании и вкусно поужинав, я отправилась домой. Шла не спеша, наслаждаясь окружающей атмосферой и наблюдая за влюбленными парочками, мило воркующими на лавочках в тени деревьев. Мне пришла в голову мысль, что этим людям можно позавидовать – они не растрачивают себя по мелочам, не гонятся за деньгами или славой, а просто живут ради любимого человека. Может быть, именно в этом и заключается настоящее счастье?

Оставив свой собственный вопрос без ответа, я медленно вошла в подъезд и стала подниматься по ступенькам, одновременно пытаясь нащупать на дне сумочки ключи от квартиры. И тут меня кто-то окликнул:

– Извините, а не подскажете, здесь ли проживает Иванова Татьяна?

Я подняла голову и увидела стоящего чуть выше на лестнице мужчину. Он стоял, облокотившись на перила, и вопросительно смотрел в мою сторону.

– Понимаете, я уже полчаса на этом этаже стою. Думал уж, может, адрес мне неправильный дали, – пояснил он, не дождавшись моей реакции. – Хотел спросить соседей, а их нет.

– А что именно вы хотели? – все еще не отвечая на вопрос, спросила я, надеясь, что мужчина не представитель «Горгаза», а то я уже два месяца забываю внести плату за газ. Задолженность у меня хоть и не особо большая, но предупредительными письмами об отключении они меня уже достали.

Мужчина поправил на носу очки и будничным тоном пояснил:

– Понимаете, у меня жену убили, а милиция бездействует. Вернее, делает что – то, но результатов этого совершенно не видно. – После этих слов на лице мужчины появилось еле заметное отвращение к правоохранительным органам, что не прошло для меня незамеченным. – Вот я и решил обратиться к частному детективу. Ну, чтоб он взялся за дело. Друзья посоветовали мне Татьяну Иванову.

– А вы в курсе, сколько обычно берут за свою работу частные детективы? – поинтересовалась я, пытаясь сообразить, способен ли этот человек оплатить мою работу, а то, может быть, и не стоит его дальше выслушивать.

– Да, да, мне уже сказали! – более оживленно заговорил мужчина. – Так, значит, вы и есть та самая Таня?

Я кивнула и предложила пройти в квартиру, так как разговаривать на площадке о работе совсем не в моих правилах. Мы зашли. Я захлопнула дверь и, бросив сумку на столик, сразу же направилась в кухню:

– Если вы не против, я приготовлю кофе, а вы пока располагайтесь.

Через пять минут я вошла в гостиную с подносом, на котором стояли две чашки ароматного напитка, один только запах которого способен прояснить мой ум и настроить на работу. А я после обильного ужина и приятной прогулки была совершенно на нее не настроена.

– Могу я поинтересоваться, кто именно вам меня порекомендовал? – решила я начать разговор издалека, планируя пока как следует рассмотреть своего собеседника.

– Ну, не то чтобы порекомендовали, – как-то сразу замялся мой гость...

Он был невысокого роста, ниже меня. Очки, которые он носил, делали его похожим на доцента или профессора университета. Говорил он четко, без запинки, что сразу выдавало человека грамотного и хорошо контролирующего эмоции. А вот одежда этому впечатлению как-то не очень соответствовала: обычная широкая майка, по типу тех, что сейчас носит молодежь, правда, без рисунка, и черные брюки, снизу явно подвернутые внутрь. Причем все это было слегка ему широковато, свободно болталось на теле, придавая всему виду мужчины какую-то небрежность.

– Понимаете, – продолжал отвечать на мой вопрос гость, – когда я в очередной раз пришел в отделение милиции и мне сказали, что по делу об убийстве моей жены ничего нового нет и вряд ли скоро будет, я сильно расстроился и даже сел в коридорчике, чтобы немного прийти в норму. Тут и услышал разговор о вас. Двое мужчин в форме – в званиях я, к сожалению, не разбираюсь – посмеивались, мол, дела об убитых женах и мужьях – любимое занятие некой Татьяны. Уж ее-то, Иванову, так и тянет на разгадывание семейных тайн. Одно слово – женщина, все ей мыльные оперы подавай.

Услышав это, я подумала, не друг ли мой Киря так обо мне отзывался, а потому кратко описала гостю его внешность, желая проверить правильность своего подозрения.

– Нет, такого человека среди говоривших не было, – ответил гость. – Те были совсем юнцами, но о вашей работе были явно наслышаны, иначе бы так не говорили.

Я усмехнулась, укоряя саму себя: это ж надо было так плохо подумать о Кире. Нет, ему никогда и в голову не придет с кем-нибудь меня обсуждать. Кроме того, за все время нашего с ним знакомства я ни разу не слышала от него ни единого плохого слова в мой адрес, а данный разговор меня взбесил. Неужели только такую оценку я заслужила за то, что все время помогаю раскрывать преступления, до которых у милиции просто не доходят руки? Ну да ладно, я им это еще припомню.

Налив себе вторую чашку кофе, я вновь посмотрела на гостя и, чтобы как-то отвлечься от неприятных мыслей, спросила:

– Вы уже пятнадцать минут находитесь в моем доме, но все еще не представились.

– Ох, извините, пожалуйста, – немного сконфузился гость, – я совсем забыл. Чиликов Павел Сергеевич, в недалеком прошлом бухгалтер фирмы «Союзинторг».

– Об этой фирме мне приходилось слышать. Правда, не припоминаю, в какой связи, – отпивая из чашки свой кофе, сказала я и сразу же добавила: – Так что именно привело вас ко мне?

– Как я уже сказал, убийство моей жены. Ее застрелили две недели назад на Краснооктябрьском шоссе.

После этой фразы я едва не поперхнулась.

– Где, вы сказали?

– На Краснооктябрьском шоссе. Ну, знаете, что в сторону дач ведет.

Еще бы не знать! Я ведь собственными глазами видела оцепление и едва не поддалась соблазну протиснуться к месту убийства и собственными глазами его осмотреть. Кто же мог знать, что ко мне потом обратятся с просьбой взяться именно за это дело? Тогда бы я не проскочила мимо, какие бы неотложные дела меня в тот момент ни ожидали, и уж точно смогла бы стерпеть все недовольные восклицания Валентины по поводу своего опоздания к ней. Зато теперь имела бы хоть какое-то представление о том, что произошло в тот день на дороге.

Я больно закусила губу, ругая себя за то, что не проявила тогда должного любопытства, а только бросила беглый взгляд из окна машины и приготовилась слушать дальше. Павел Сергеевич откашлялся и продолжил:

– Всему виной я и моя работа. Дело в том, что «Союзинторг» занимается торгово-закупочной деятельностью, но, как и все компании, нечист на руку. Ну понимаете, сокрытие там всяких доходов, черная бухгалтерия...

– Да, да, – закивала я.

– Но это не главное. Главный доход фирме давали всевозможные махинации.

– Но при чем здесь ваша жена? – спросила я, пока еще ничего не понимая. – Она тоже работала в данной компании и решила обо всем кому-то рассказать? Или, может, случайно проговорила не тем людям?

– Нет, что вы, она ни с кем не говорила об этом. Но... Надюша взяла копии некоторых документов, дабы их спрятать в укромное место. Из-за них ее и убили.

Я удивленно приподняла брови и пристально посмотрела на заказчика. Чиликов понял мой невысказанный вопрос и сразу же принялся растолковывать подробности, постоянно перебивая с первого на десятое, торопясь рассказать поточнее, то и дело извиняясь за свою спешку.

В конце концов я узнала о том, что Чиликов, услышав о своем планируемом увольнении якобы из-за неудовлетворительной работы, а на самом деле в связи с желанием начальства поставить на его место какого-то родственника, решил подстраховаться. Он скопировал документацию – ту, что предназначалась лишь для очень узкого круга людей, но никак не для налоговой инспекции. Когда же его поставили перед фактом – либо заявление по собственному желанию, либо увольнение по приказу, он воспользовался собранным материалом как страховкой, заявив, что желает доработать в фирме оставшийся до пенсии год.

Его, конечно же, оставили на данной должности, но начались попытки ограбления квартиры и даже разбойничьи нападения с целью запугать его. Чиликов, понимая, что в покое его не оставят, пока документы, находящиеся у него, не будут уничтожены, решил спрятать их в надежном месте. Но он подозревал, что за ним ведется слежка, а потому передал бумаги жене и попросил ее спрятать их. Та поехала на дачу, чтобы устроить тайник там, но не доехала до нее.

– И ведь самое интересное, – закончил свой рассказ Чилик, – как они узнали, что документы у нее и что она собирается их куда-то везти. Неужели они следили за ней?

– Кто – они? Вы имеете в виду кого-то конкретно? – задала я интересующий меня вопрос и пристально посмотрела на гостя.

– А что тут думать, и так все ясно. Это Миронов Евгений Владимирович, директор наш, его рук дело. Кому же еще нужны эти чертовы бумажки? – торопливо заговорил Чилик. – Я с самого начала ментам сказал, что именно он убийство заказал, а они: доказательств никаких нет, бумаг при ней не обнаружено. Тьфу, чтоб им...

Чилик выругался и отвернулся в сторону. На минуту закрыл глаза, а потом, явно собрав волю в кулак, более спокойным тоном добавил:

– Вы уж извините, Таня, что я так, ну, не слишком лестно о ваших коллегах отзываюсь, просто... Надюша была для меня всем и... я совершенно пал духом без нее. Не хочется ни жить, ни что-то делать. Если бы не дочь, я бы, наверное, сам убил этого негодяя, а потом... будь что будет. Последняя надежда на вас. А насчет денег не беспокойтесь, они у меня есть. Сколько скажете, столько и заплачу, только докажете, что Миронов убил мою Наденьку.

Я с сочувствием посмотрела на Павла Сергеевича, из глаз которого грозили вот-вот пролиться слезы. Было хорошо видно, скольких усилий ему стоит сдерживать их. Перед такой любовью я могла только преклониться.

– Я постараюсь вам помочь, но точно ничего обещать не могу, слишком уж сложно будет доказать причастность такого большого человека к делу об убийстве.

Я встала, давая понять Чиliku, что наш разговор закончен и мне бы хотелось теперь остаться одной.

– Я понимаю. Если что, вот мой адрес и телефон, – Павел Сергеевич протянул мне визитку с логотипом компании «Союзинторг».

– Как только мне что-то понадобится, я обязательно вам позвоню, – провожая заказчика, произнесла я. – И... постарайтесь не исчезать надолго из города, иначе мне будет сложно вас найти, если потребуется что-то уточнить.

– Да, несомненно, можете не сомневаться – я буду все время дома, – сказал Павел Сергеевич выходя. – Еще раз большое спасибо.

Едва только Чилик покинул мои апартаменты, как я тут же плюхнулась на диван и, устроившись поудобнее, попыталась представить себе, с чего можно подойти к этому делу. Чтобы выстроить правильный порядок действий и сам ход событий, я всегда начинала разбор заказа с самого начала. Не стала отступать от давнего своего правила и на сей раз.

Итак, убийство жены Чилика произошло во время ее поездки на дачу, куда она поехала, но не добралась. Это подтверждается и тем, что ее машина располагалась на дороге по направлению к дачам, а не от них. По словам мужа, она везла с собой документы. Их на месте преступления не обнаружили, значит, нападавший хорошо знал об их существовании и целенаправленно убил женщину, чтобы забрать их у нее. Впрочем, может быть и так, что документов у жены не было и Чилик намеренно наговаривает на Миронова, чтобы свалить всю вину на него. Но тогда причина убийства заключается совсем в другом, а вовсе не в каких-то бумагах, из-за которых логичнее было бы убить самого Чилика, как только он о них сообщил руководству фирмы.

И какова же причина в таком случае? Совершенно неизвестно. И никаких зацепок, кроме обвинения заказчика, брошенного в адрес директора компании «Союзинторг», у меня в настоящий момент не было. Это-то и угнетало больше всего.

Пришлось обратиться за помощью к единственным своим помощникам, хоть и не решающим всей проблемы в целом, но все же указывающим, в каком направлении лучше всего следует двигаться. Я взяла гадальные кости, которые представляют собой три двенадцатигранника, и, повертев их в руке, бросила на стол.

Выпала комбинация «36+20+11». В переводе с языка цифр это значило: «Вы излишне заботитесь о мелочах, забывая о главном».

С чего же начать?

Этот вопрос занимал меня чрезвычайно. Я давно уже убедилась – от того, насколько правильно сделаешь первый шаг, зависит и ход всего расследования, и его время, и итог. Поэтому и не хотелось действовать наобум, но в данном случае мне фактически ничего иного не оставалось. Итак, у меня было убийство и был подозреваемый, причем не факт, что верный. И больше ничего.

Что ж, попробую отправиться к нему и на месте определить, имеет ли данный человек какое-либо отношение к данному делу и что вообще ему о нем известно.

* * *

На следующее утро я встала по будильнику, по опыту зная, что директоров компаний можно застать на рабочем месте только очень рано – все остальное время они, как правило, отсутствуют. Поэтому я быстро перекусила, выпила две чашки кофе и пошла одеваться.

Сегодня мой выбор пал на темно-синюю юбку, белую блузку и легкий, также темно-синий пиджак с брошкой в виде хамелеона. Сначала я хотела было выйти из дома без пиджака, но, выглянув на балкон, поняла, что если не прихвачу его, то через пару минут превращусь в ледышку. Осень уже давала о себе знать, и по утрам на улице было весьма прохладно, во время дыхания изо рта даже шел пар.

Собрав волосы в «ракушку», чтобы не рассыпались, и прихватив все еще лежащую на столике в прихожей сумочку, я отправилась вниз. За ночь моя «девяточка» уже успела как следует остыть – теперь в ее салоне стоял настоящий холод. Я села за руль, завела двигатель и первым делом включила печку. И только лишь когда салон автомобиля наполнился нежным теплом, тронулась с места.

Еще дома, посмотрев на визитку Чиликова, я выяснила, где именно находится главный офис «Союзинторга». Он размещался в весьма живописном месте – на набережной, стало быть, ехать до него было не так далеко. Еще раз посмотрев на часы и удостоверившись в том, что двери компании откроются для посетителей через десять минут, я притормозила у ларька, чтобы купить себе сигарет, так как домашний запас неожиданно закончился, а без допинга в виде табачного дыма мои мозги не желают работать.

Ларек оказался закрытым. Видно, продавщица не очень торопилась занять свое рабочее место и предпочла еще немного понежиться в постели. Я вспомнила это уютное теплое местечко, недавно покинутое мною, и невольно сжалась – разница между ним и погодой на улице была очевидной.

В общем, желаемых сигарет я не получила, и мне не оставалось ничего больше, как направить автомобиль к дверям «Союзинторга». И уже через три минуты я была не только рядом с ними, но и поднималась по лестнице, созерцая интерьер офиса данной компании.

В здании, которое занимала компания «Союзинторг», ничего необычного в этом смысле не наблюдалось: привычные белые стены, многочисленные позолоченные люстры, мраморный пол. Кое-где в коридорах стояли еще напольные вазы с просто отвратительными, на мой взгляд, искусственными цветами, придающими общему виду некую нелепость.

«Неужели нельзя было подобрать что-то попроще? – спрашивала я себя. – Как в деревне, ей-богу». Мне однажды довелось побывать в сельсовете, а потому впечатления, оставшиеся после того визита, просто невозможно было позабыть. И сегодня одинокие и неумело подобранные цветы напомнили мне то полуветхое строение, которое его хозяева пытались приукрасить самым нехитрым образом.

Этажом выше стало немного посolidнее. Здесь вместо ваз углы занимали пальмообразные растения, а под ними помещались деревянные лакированные лавочки с кривыми ножками. Причем большая часть из них, как ни странно, уже была занята посетителями, ожидающими, чтобы их приняли. Присоединиться к их числу я не стала и сразу, прямо без стука, прошла в комнату секретаря.

– Добрый день! Я к Евгению Владимировичу Миронову. Он у себя? – произнесла я спокойно, прочтя на лице полноватой женщины лет тридцати пяти молчаливый вопрос.

Секретаршу явно удивило то, что кто-то вошел в ее кабинет без приглашения. Она недовольно окинула меня своим сверлящим взглядом и уж было собралась накинуться с поучениями, но тут я ее опередила, сунув под нос свое липовое ментовское удостоверение. Вернее, оно не липовое, а просроченное, оставшееся у меня еще с тех пор, когда я работала в прокуратуре. Но красные «корочки» обычно почти магически действуют на людей, и я частенько ими пользуюсь вот так, не раскрывая и не давая возможности прочесть, что в них значится. Тратить время на разъяснения, зачем я пришла, совершенно не хотелось.

– У вас назначено? – зло спросила секретарша, сглотнув слюну и пытаясь понять, что происходит.

– Нет, но я бы предпочла, чтобы вы обо мне доложили прямо сейчас, – официальным тоном ответила я.

Секретарша с трудом приподняла свое тело со стула, что неудивительно, так как весила она, наверное, не меньше тонны, и поплелась в кабинет директора. Я же тем временем попыталась понять, почему место секретаря здесь занимает эта тучная бабенка с неровно выкрашенными рыжими волосами, а не какая-нибудь симпатичная девушка с длинными ногами и большой грудью. Хотя если уж говорить о груди, то вряд ли кто из девушек мог сравнить свою с той, что сейчас поплыла в соседнюю дверь.

Наконец секретарша вернулась и, указав на дверь взглядом, дала понять, что я могу войти. Я направилась в кабинет, обругав про себя эту спящую на ходу «вторую руку», которой было лень даже сказать лишнее слово.

Перешагнув порог директорского кабинета, я оказалась как бы в совершенно другом мире. Здесь, в отличие от всего, что я увидела в здании компании раньше, было довольно уютно. Пол был покрыт ковролином, на однотонных стенах висели со вкусом подобранные картины, а вся мебель была явно сделана на заказ, так как имела не совсем стандартные очертания и форму. В одну из стен был встроен большой аквариум, со стороны напоминавший оживший пейзаж с изображением подводного мира. Прямо напротив него располагался набор мягкой мебели, и там, в кресле, сидел тот, к кому я пришла.

Евгений Владимирович Миронов при первом знакомстве создавал впечатление уставшего от жизни человека. Его взгляд был совершенно пустым и ничего не выражающим, а рот, сжатый в тонкую полоску, как бы говорил: «Ну, чего еще?» Единственное, что было приятного в этом мужчине, – это его фигура. Для своего возраста – а ему было явно около пятидесяти пяти – Миронов имел довольно стройное телосложение, что говорило о том, что он много времени проводит в спортзале или же просто следит за тем, что принимает в пищу.

Я поздоровалась, представилась – на сей раз частным детективом – и сразу перешла к делу:

– Евгений Владимирович, вы знаете, что вас подозревают в убийстве Надежды Чиликовой?

– Да знаю я, не вы первая сюда приходите, – отмахнулся Миронов и немного расслабился. Похоже, сначала он принял меня за кого-то другого. – Этот бухгалтериска все никак не угомонится... Но менты же вроде сказали, что дело закрыто...

– Павел Сергеевич почему-то уверен, что именно вы заказали убийство его жены, – ответила я и пристально посмотрела на директора, надеясь по его поведению понять, причастен

или не причастен он к убийству. Миронов не шелохнулся, и я продолжила: – По этой самой причине ваш бухгалтер и попросил меня провести расследование по данному делу. У вас ведь были причины для убийства Надежды Чиликовой?

– Да какие у меня могли быть причины? Я ее знать не знал. Чего он еще выдумывает? – вспыхнул собеседник. – Мало ли что ему в голову пришло, у меня своих собственных забот достаточно, не хватало еще и этим заниматься.

– А как же копии документов, скрываемых от налоговой инспекции, с которых Павел Сергеевич сделал копии? Вы ведь о них знали?

Несколько минут Миронов пребывал в полушоковом состоянии, вероятно, соображая, знаю ли я обо всех его делишках и насколько глубоки мои познания в данной области. Так, помоему, и не придя к какому-либо выводу, он все же ответил:

– Ну, знал. Я давно заметил, что этот хмырь что-то химичит за моей спиной, да только особого внимания не обратил, мало ли, он же бухгалтер... – Ненадолго Евгений Владимирович замолчал, несколько раз кашлянул, а потом поднял на меня глаза и спросил: – Он что, думает, я из-за тех документов его жену и грохнул?

– Именно так и думает, – подтвердила я.

– Ага, интересно тогда, каким образом я узнал, что они у его жены, а не у него лично. Или, может, я ясновидящий? Потому мне и открылось, что она их куда-то там повезет?

Слова Миронова показались мне не такими уж бессмысленными, и я на минуту замешкалась, но потом сообщила:

– Вот именно это я и хочу выяснить. Так вы утверждаете, что совершенно не знали о том, что Надежда Чиликова повезет копии бумаг к себе на дачу?

Миронов тяжело вздохнул и, поднявшись с дивана, последовал к столу, на ходу возмущаясь:

– Нет, ну что вы, менты, за народ тупой! Я уже пятьсот раз, наверное, за эту неделю повторил, что никого не убивал, знать, где эти бумаги, не знаю и мне до них дела нет, большинство все равно устарело, так как они на имя другого директора шли. А теперь, милочка, попрошу вас меня покинуть, дела...

Поняв, что ничего больше мне из директора «Союзинторга» не вытянуть, я не стала возражать и сразу направилась к двери, поблагодарив за беседу и не преминув заметить, что этот наш разговор, возможно, является не последним и что нашими совместными усилиями мы докопаемся до истины. В ответ в спину мне прозвучало что-то типа «да катитесь вы, без вас проблем много».

И мне стало очень интересно, какие же именно проблемы так занимают сейчас Миронова, если он даже не придает или делает вид, что не придает значения обвинению в свой собственный адрес. Впрочем, если он и невиновен, то волноваться ему и незачем, но если... Ладно, там посмотрим.

О том, какие дела столь сильно занимают Миронова и не связаны ли они случайно с налоговой инспекцией, можно, конечно, попытаться разузнать у секретарши, но едва я вновь увидела ее лицо, как надежда на положительный результат такой попытки тут же испарилась, я поняла, что вряд ли она станет раскрывать передо мной тайны компании. Такую заставить говорить можно разве только под страхом смерти. Остальные же сотрудники могли и не знать о происходящих здесь делах. Стало быть, мне не оставалось ничего другого, как несолоно хлебавши возвращаться домой.

Хотя почему бы не подойти к расследованию с другой стороны? Действительно, как это я раньше не подумала об этом...

Уверенным шагом выйдя из секретарской комнаты, я стала оглядываться по сторонам в поисках бухгалтерии, намереваясь побеседовать с людьми, которые сейчас там работают. Они наверняка хорошо знакомы с Чиликовым и имеют представление о там, какие отношения были

у него с начальством. Вдруг окажется, что причина убийства и в самом деле не в бумагах, а в каких-то личных счетах, что совершенно меняет суть всего дела.

На мое счастье, бухгалтерия обнаружилась на этом же этаже. Я сразу увидела табличку на двери, сообщавшую об этом, так что мне не пришлось бегать по зданию и искать ее. На минуту остановившись у двери, я прислушалась, а потом, постучав, вошла.

– Добрый день, могу я ненадолго отвлечь вас от работы? – раскрывая свое удостоверение, обратилась я сразу ко всем сидящим в комнате сотрудникам.

Те как-то резко притихли и, оторвавшись от бумаг, лежавших перед каждым на столе, воззрились на меня. Светловолосый паренек, что сидел ближе всех к двери, быстро встал и принес мне стул, выражая тем самым свое уважение к органам милиции. Мне стало очень даже приятно, несмотря на то что остальные так и продолжали молча рассматривать меня.

– Да вы садитесь, а то как-то неудобно получается, – произнес все тот же парень, первым нарушив тишину.

А уже вслед за ним со всех сторон посыпались торопливые вопросы и замечания: «Это что, снова по поводу того дела, что ли? Так милиция вот только на днях была, опрашивали уже... А что-нибудь известно?»

Дождавшись, когда волна реплик стихнет, я сообщила:

– Да, я пришла действительно по поводу убийства Надежды Чиликовой. Милиции, – специально подчеркнула, что представляю органы охраны правопорядка, тем самым задавая нужный тон беседе, а потом продолжила: – Хотелось бы задать несколько вопросов тем, кто работал с бывшим бухгалтером компании Павлом Сергеевичем Чиликовым и хорошо знал его. Среди присутствующих есть такие?

С минуту все молчали, а затем откликнулись двое:

– Я с ним по соседству сидел, – произнес один, а второй тут же добавил: – А я его заместителем был, правда, недолго.

– Отлично, в таком случае именно с вами мне бы и хотелось переговорить. Здесь не найдется свободного кабинета, где бы мы могли спокойно побеседовать?

– Да, конечно, есть, – вставая и жестом приглашая следовать за ним, произнес бывший заместитель Чиликова, седоватый мужичонка в сером костюме и с ярким галстуком.

Второй мужчина, помоложе, поплелся следом с явной неохотой. Мы втроем вышли в коридор, немного прошли по нему и, завернув за угол, оказались в маленькой комнатке с большим столом, двумя диванами и холодильником у стены.

– Это наша комната отдыха, но до обеда она совершенно пуста, так что вряд ли нам кто-то помешает, – по-хозяйски усаживаясь за стол, произнес заместитель.

Я тоже не стала жаться и сразу же села напротив. Я подождала, когда займет место сосед Чиликова по столу, и начала разговор:

– Вы наверняка уже слышали, что Чиликов обвинил в убийстве своей жены директора компании. – Мужчины закивали. – Именно поэтому мне и хотелось узнать у вас, какие отношения между Мироновым и Чиликовым были до того, как случилось это несчастье. Как они относились друг к другу, часто ли ссорились? Может, вы слышали от Павла Сергеевича, что директор унижает его или чем-то сильно оскорбил...

После моих слов коллеги Чиликова переглянулись, как будто решая, кто начнет отвечать первым, а потом старший из них сказал:

– В принципе, взаимоотношения сотрудников компании друг с другом – это личное дело каждого. Мы тут все стараемся в чужие проблемы не лезть, так уж здесь принято, так что знаем немного. Я вот, например, всегда считал, что Павел Сергеевич – человек очень тактичный, ни с кем не ссорится, а уж с начальством и тем более. Конечно, были случаи, когда он был недоволен решением директора, но это по работе – где не бывает. Ну а чтоб чем-то тот его обидел, такого не припоминаю. Может, Валера знает, он с Чиликовым рядом сидел, чаще с ним и общался.

Мужчина обернулся к своему соседу, как бы передавая ему право продолжить рассказ. Тот потупил взгляд и, более не поднимая его, нехотя начал:

– Я лично против директора ничего не имею, но скажу: с Павлом Сергеевичем он и в самом деле ссорился, а последние месяца три – особенно часто. Чиλικов из его кабинета все время злой возвращался, бурчал, мол, на него, гниду этакую, управу все равно найдет.

Он замолчал, а я поспешила спросить:

– А из-за чего они ссорились, вам известно?

– Ну да, Чиλικов сам говорил. Директор наш ему зарплату чуть ли не вдвое урезал, а нагружать работой гораздо больше стал.

Ага, значит, Чиλικов не соврал, и директор в самом деле пытался выжить его с бухгалтерского места. Но вот вопрос – почему? Действительно ли для того, чтобы поставить вместо него кого-то своего или из-за чего-то еще?

Решив проверить это через бывших коллег Чиλικова, я вновь обратилась к ним:

– А вы знали, почему именно ваш директор так поступал со своим бухгалтером? Ведь сокращение зарплаты – дело немалое.

– Да уж точно, – отозвался седовласый. – Но об этом все в отделе знали: Миронов на его место своего племянника метил, но Чиλικов, не доработав всего год до пенсии, уходить не собирался. Проще всего заставить человека самого уйти, лишив его стимула, то есть – денег.

Получалось, что все рассказанное моим клиентом – чистая правда. Стало быть, иных причин обвинять Миронова, кроме той, что мне известна, у него не было.

Сделав такой вывод, я решила напоследок проверить, не заметили ли сотрудники чего подозрительного в поведении своего высокого начальства в день убийства. Миронов мог, например, переживать и тем себя выдать. Поэтому я спросила:

– Тогда еще один вопрос: в день убийства не показалось ли вам странным поведение директора? Он был таким, как всегда, или, может, все же нервничал?

Оба мужчины подняли на меня удивленные глаза, прекрасно понимая, что этот вопрос очень прямой и ответить на него надо так, чтобы и себя не подставить, и милиции не наврать. Естественно, они оба не знали, как себя в этом случае вести, и просто молча бросали косые взгляды то на меня, то друг на друга. Я решила их слегка расшевелить:

– Не стоит так волноваться, я не спрашиваю вас ни о чем таком, что могло бы навредить вам или вашему начальству. Я просто хочу уточнить, поссорился ли Миронов в тот день с Чиλικовым или же нет? Для расследования это очень важно.

На этот раз мужчины мне все же ответили. Правда, ответ их был настолько расплывчат, что понять его можно только так: «Мы видеть ничего не видели, знать ничего не знаем, начальство в тот день вообще не наблюдали». Я поняла, что мужчины боятся в первую очередь за самих себя, а потому вряд ли скажут всю правду. Впрочем, почти все, что хотела, я для себя уже выяснила, и можно было откланяться.

Выйдя из комнаты отдыха, я на пару минут задумалась, а затем достала телефон и набрала несложный номер Владимира Александровича Кириянова. Я все еще помнила слова ребят из его отдела обо мне, произнесенные при Чиликове, но решила оставить месть на потом – дела куда важнее.

– Кирия, привет, – едва услышав в трубке какое-то недовольное бурчание, произнесла я. – Ты сильно занят?

– Для тебя, Иванова, я всегда свободен, – тут же донесся ответ. – Зачем звонишь? Наверняка опять моя помощь понадобилась?

– Ну не то чтобы помощь, так, услуга, – съязвила я. – Я тут недавно одну занимательную историю послушала, так мне теперь нужно на нее данные раздобыть.

В трубке послышался кашель, и я поняла, что Кирия готов меня выслушать.

– Мне надо бы посмотреть, что у вас есть по делу об убийстве на Краснооктябрьском шоссе. Сможешь достать?

– Обижаешь, я когда-нибудь тебя подводил? – с ухмылкой спросил Кирия. – Если я правильно понял, тебя интересует дело об убийстве Чиликовой Надежды Валерьевны?

– Именно оно, – подтвердила я.

– Тогда приезжай. Я его пока в архив убрать не успел, все еще тут валяется. А ты что, за него взялась? – задал он с самого начала интересующий его вопрос.

– Ага, – коротко подтвердила я.

– Если хочешь, дам дружеский совет, – донеслось с другого конца трубки.

– Валяй, – равнодушно сказала я, ожидая услышать от Кири привычное заявление, мол, что дело дрянь и браться за него не следует.

Кириянов оправдал мои ожидания, сказав:

– Знаешь, Танюха, мне кажется, что тут все глухо. Ни улики, ни доказательств, сами над ним две недели сидели, да что толку.

Я усмехнулась и, повесив трубку, сказала уже сама себе:

– Ну так мыльные оперы – дело рук женщин, а не мужчин.

Глава 2

Просмотр документов по делу об убийстве Надежды Чиликовой, показанных мне Кирей, ничего не дал. Единственное, что было новым и мне пока неизвестным, так это номер оружия, но без него я бы вполне могла обойтись. Получалось, что я снова зашла в тупик. Необходимо было что-то придумать и найти новую сторону, с которой я пока не подходила к делу. Я села в остывшую машину и, пока прогревала двигатель, решила бросить, на счастье, двенадцатигранные мои «косточки».

Получилось следующее: «6+21+25». Я напрягла память и попыталась вспомнить значение этой комбинации, выпадавшей настолько редко, что я успела его позабыть, и все-таки вспомнила. Оно гласило: «Женщины вообще не понимают, что за слабые, пугливые создания эти мужчины».

«Стоп, а при чем тут женщины?» Я не совсем понимала, что хотят сказать мне «кости». И тут меня осенило: все верно – начинать расследование нужно как раз с женщины, а не с мужчин, ее окружающих, ведь именно она стоит в центре всего. Ее и убили, и муж тут может оказаться совершенно ни при чем.

Определив для себя примерный порядок дальнейших действий, я позвонила Павлу Сергеевичу Чиликову и договорилась с ним о встрече. Он оказался свободен от дел, а потому, назвав свой адрес, предложил заехать к нему прямо сейчас. Так я и сделала.

Дом купеческого образца, в котором жила семья Чиликовых, находился в Трубном районе, причем в самом центре частного сектора. Вокруг, правда, стояли домики ничуть не хуже, а порой и лучше, так что этот среди них почти не выделялся. В целом он напоминал собой небольшую, наипростейшим образом построенную усадьбу с собственным садом и огородом. В точно таких же селятся в последние годы, выкупая их у бывших хозяев, очень зажиточные люди, способные содержать не только собственные семьи, но и немаленький штат прислуги.

Интересно, кто убирает в доме Павла Сергеевича, ведь на наведение чистоты и порядка в таком доме требуется не один час?

Этот вопрос заинтересовал меня, так как я сама никогда не являлась образцом аккуратности и запросто могла позволить себе бросить вещь там, где пришлось. Что скрывать, уборка для меня всегда была чем-то похожим на нашествие монголо-татар. Отставив в сторону размышления по данному поводу, я занялась решением более важного вопроса, а именно тем, где разместить машину, чтобы она не мешала остальным, но при этом могла быть в любое время приведена в действие.

Проблема эта была не из легких, особенно если учесть, что обладатели красно-кирпичных усадеб предпочитали оставлять свои автомобили непосредственно возле дверей дома или ворот, нисколько не задумываясь о том, как другие смогут добраться до остальных хором. В результате получалось, что отчаявшиеся проехать мимо джипов и «Мерседесов», не повредив их, владельцы иных домов оставляли свои машины где попало.

Теперь мне предстояло на практике проверить, насколько плотно могут «заблокировать» мою «девятку» за время разговора с Чиликовым, а заодно и можно ли потом на ней отсюда уехать. Я колебалась, не зная, куда мне приткнуться, и уж совсем было решила поехать и поискать ближайшую автостоянку, как мне навстречу вышел сам Павел Сергеевич.

– Увидел вас в окно и решил помочь, – сказал он после приветствия. – У нас тут всегда так: не улица, а сплошная пробка. Я предпочитаю оставлять свою машину на соседней улочке – она более спокойная, да к тому же там располагается одно из отделений милиции, так что хоть не угонят. Если желаете, покажу, как ближе всего к дому проехать.

Я согласилась принять эту помощь и уже вместе с Чиликовым стала выезжать из тупика, в который сама же себя загнала. Павел Сергеевич молчал на соседнем сиденье, нервно теребя

свои руки. Я тоже ничего не говорила, лишь краешком глаза поглядывала в его сторону. Сегодня он выглядел намного лучше: серая выглаженная рубашечка, темно-синие брюки, очки в металлической оправе – словом, настоящий бухгалтер процветающей фирмы. Похоже, что мой клиент куда-то собирался или же только пришел.

Пока я рассматривала Чиликова, он все же решил начать разговор и, еще немного помявшись, спросил:

– Есть какие-нибудь продвижения в моем деле? Миронов признался?

– Вы слишком торопитесь, – заметила я, – так быстро дела об убийстве не раскрываются. Тем более ваше. Знаете, а ведь милиция даже приписала его к числу «висяков».

На лице Павла Сергеевича появилось нескрываемое разочарование, смешанное с болью. Мне стало его жаль, и я попыталась немного успокоить своего клиента, добавив:

– Но так считает только милиция.

Услышав это, Чиликов сразу же оживился:

– Так вы думаете, что все еще возможно доказать и можно будет засадить этого подонка Миронова за то, что он свел в могилу мою Наденьку?

Я остановила машину и, повернувшись к заказчику, спросила:

– Вы абсолютно уверены в том, что это убийство – дело рук именно вашего босса? Разве невозможно такое: у вашей жены были еще какие-нибудь враги, и все случившееся вовсе не связано с бумагами «Союзинторга»?

– Нет-нет, что вы! Какие враги? Моя Наденька была само совершенство. Врагов у нее быть не могло, за это я могу поручиться... – Чиликов осекся, посмотрел на меня и спросил: – Или у вас появилось предположение, что ее убил кто-то другой?

– Пока ничего конкретного, – призналась я, – но отвергать такую версию все же нельзя. Если вы не против, то я бы хотела поподробнее узнать, с кем общалась Надежда Валерьевна, кто были ее подруги, где она работала? Это дало бы мне возможность более полно представить себе весь ход событий.

– Конечно, я понимаю.

Мы вышли из машины и направились к дому. Чиликов на несколько минут задумался, а потом продолжил:

– Только тут рассказывать особенно нечего. Подруга у нее всего одна, они со школы с ней общались. Надюша не работала – сами понимаете, моя зарплата это позволяла. Ну а все свободное время она тратила на походы в музеи, театры, любила заглянуть и в дорогие магазины. Одним словом – она вела обычную жизнь обеспеченной женщины.

Я усмехнулась про себя: «Оказывается, мужчины не только довольно слабые и пугливые создания, как сказали мне „кости“, но еще и довольно доверчивые и глуповатые, если полагают, что, имея практически все, женщина будет этим довольствоваться и не пожелает поискать каких-нибудь развлечений на стороне. Не факт, что муженек хорошо знает свою обожаемую женушку. Надо навестить ее подругу – уж она-то наверняка в курсе всех дел данного семейства».

– А как зовут подругу вашей жены и где ее можно найти? – перешла я прямо к делу.

– Подругу? А... Лора, Лариса Шапкина. Где сейчас живет, точно не знаю, последний раз видел ее на похоронах. Насколько я помню, она на днях сменила квартиру, но у Надюши наверняка где-нибудь должен быть записан ее новый адрес.

– Вы не могли бы его поискать? – поинтересовалась я, входя за Павлом Сергеевичем во двор его дома.

– Да, непременно.

Чиликов открыл дверь, и мы вошли внутрь.

Комната, в которую я сразу попала, была очень большой и явно предназначалась для приема гостей, так как в ней стояли только мягкая мебель, низенький стеклянный столик-аква-

риум и множество живых цветов. Причем каждая вещь была не просто предметом оформления интерьера гостиной, а являлась неотъемлемой деталью общего стиля. Я попыталась найти среди всех этих предметов что-то лишнее, но быстро поняла, что подобные вещи в данной комнате просто отсутствуют. Видно, жена Чиликова и в самом деле имела хороший вкус, что явственно отразилось в оформлении дома.

– Вы пока присаживайтесь, – указав на диван, сказал Павел Сергеевич, направляясь в другую комнату, – а я сейчас принесу ее блокнот.

Я медленно прошла к дивану, продолжая осматриваться. Мне здесь нравилось – никакого шика, блеска, фанфарности, но зато ощущались полный покой и гармония. Через легкие шелковые шторы падал рассеянный солнечный свет, разноцветными огоньками подсвечивался и стол-аквариум, а цветы источали легкий аромат. Одним словом, здесь было уютно.

– Добрый день, – раздалось у меня за спиной.

С удовольствием созерцая окружающую обстановку, я не заметила, как в гостиную вошла девушка, в которой мне не составило труда признать дочь Павла Сергеевича, так сильно она была похожа на него.

Дочери Чиликова было лет девятнадцать-двадцать, не более. Большие серые глаза, округлое личико, обрамленное густыми каштановыми волосами... В целом, довольно милостивая и привлекательная девушка. Она была одета в просторный сарафан, который все же не скрывал ее уже появившийся животик.

«Так дочь Чиликова беременна», – отметила про себя я, пытаясь припомнить, говорил ли клиент что-нибудь о ней. В этот момент появился и сам будущий дедушка, неся в руках целую кипу различных бумаг и фотоальбом.

– Вы уже познакомились? Моя дочь – Мария. А это Татьяна, – представил он нас друг другу и пояснил: – Она частный детектив, занимается расследованием убийства нашей мамы.

Девушка пристально посмотрела на меня и молча опустила в соседнее кресло. Чиликов же свалил принесенную кипу рядом со мной на диван и сел по другую сторону от нее.

– Я подумал, что вам будет интересно посмотреть, как выглядела Надюша, вот и прихватил альбомчик. А адрес найти не так – то просто – тут столько бумаг, что сам черт ногу сломит. Надежда хоть и была аккуратной, дом всегда содержала в чистоте, но бумаги не любила, оттого они и валялись у нее в ящике кучей. Взял все, что там было.

Мы оба склонились над бумагами и начали поиски. Попадалось что угодно: счета, дисконтные карты, адреса парикмахерских и салонов красоты. Их жена Чиликова, несомненно, посещала очень часто, так как на фотографиях я увидела не пожилую женщину, а даму в полном расцвете сил, с розовыми щеками, качественно наложенным макияжем и умело сделанной прической. Не зная точно ее возраста, можно было подумать, что на них запечатлена женщина лет тридцати с небольшим.

Наконец мы обнаружили записную книжку, страницы которой были сплошь исписаны адресами и телефонами из той же области – предприятий сферы услуг. Найти в ней адрес Ларисы оказалось непросто, но я все же справилась с этой задачей.

– Вы не будете против, если я пока оставлю записную книжку у себя? – поинтересовалась я у Чиликова, надеясь еще раз как следует ее пролистать.

– Могли бы и не спрашивать, берите, конечно. Для дела можете взять еще и пару фотографий.

От этого предложения Павла Сергеевича я не стала отказываться и выбрала из альбома несколько карточек, на которых была запечатлена Надежда Чиликова с семьей. Пока еще я не знала, понадобятся ли они мне, но все равно взяла.

– Скажите, а маму действительно «заказал» Миронов? – донеслось с противоположной стороны комнаты, где все еще сидела с грустным лицом Мария, о которой я совсем забыла. – В милиции нам сказали, что против него нет никаких улик.

– Ничего конкретного пока сказать не могу. Но не исключено, что убийца вовсе и не он, – ответила я ей и слегка улыбнулась.

После этих слов девушка почему-то облегченно вздохнула. У меня даже возникло ощущение, что она сочувствует директору «Союзинторга». Это показалось мне странным, поэтому я решила спросить:

– А вы сами-то как считаете? Тоже думаете, что убийца вашей матери – Евгений Владимирович Миронов?

Девушка занервничала, явно колеблясь с ответом. Она переводила глаза с моего лица на отцовское, как бы пытаясь определить нашу с ним будущую реакцию на ее слова. Пока она медлила с ответом, за нее высказался ее отец. Он недовольно посмотрел на дочь и резко произнес:

– Да что она может думать! Если бы она вообще умела это делать, то не сидела бы сейчас с животом.

– Папа... – Мария вскочила с кресла, и на глазах ее появились слезы.

– Что «папа»? – Чиликов отвернулся от дочери и тихим голосом произнес: – Вы не подумайте, Татьяна, будто у нас в семье что-то не ладится. Просто тяжело, когда кроме одной проблемы тебе на голову сразу сваливается несколько.

– Но разве ребенок – это проблема? – не поняла я. – Он, по-моему, наоборот, помогает забыть о несчастье и дает надежду на лучшее будущее.

– Так-то оно так, но только в том случае, если ребенок – всеми желанный. – Павел Сергеевич на несколько секунд замолчал, а потом добавил: – Мария беременна от сына Миронова.

Новость удивила меня и даже на несколько минут лишила дара речи. Ребенок от сына Миронова – это могло кое-что прояснить в нашем деле. Например, вполне могло быть так, что Чиликов шантажировал имеющимися у него бумагами директора «Союзинторга» не только в связи с собственным увольнением – год до пенсии того и не стоит, – но и из-за дочери, из-за ее связи с сыном босса. Придя к такому выводу, я решила сразу проверить свои подозрения.

– Почему вы не сказали мне об этом раньше, Павел Сергеевич? Вы ведь те бумаги использовали не только как свою собственную страховку, но и как способ заставить сына Миронова жениться на вашей дочери. Я так поняла?

Чиликов молча кивнул и задумался. И тут заговорила Мария:

– Папа почему-то считает, что этот ребенок – позор нашей семьи, что о нем не стоит никому говорить, особенно сейчас, вскоре после смерти матери. Сор выносить из избы у нас, видите ли, не принято.

Мария бросила эту фразу с такой злостью, что мне стало ее жаль. Девушка резко встала и вышла, оставив нас сидеть в полной тишине.

– Теперь вы все знаете, – через пару минут поднял голову Павел Сергеевич. – Я должен был рассказать вам о беременности дочери с самого начала, но, знаете ли, подумал, что это наше с ней личное дело.

– Понимаю, – вставая, сказала я, – но очень надеюсь: это единственное, что вы от меня скрыли, так как в расследовании играет роль любая, вроде бы даже и совершенно незначительная деталь.

Чиликов тоже встал, добавив:

– Все остальное я вам рассказал. Уж поверьте.

– В таком случае позвольте откланяться.

* * *

Выйдя из дома заказчика, я села в свою машину и задумалась, не спеша заводить мотор.

Итак, на данный момент мне известно, что Чиликов шантажировал бумагами Миронова не только ради собственной работы, но и из-за беременной дочери. Если в первом случае Миронов еще мог согласиться на его условия, позволив бухгалтеру доработать последний год перед пенсией, то во втором дело обстояло совсем по-другому. Ведь Чиликов пригрозил отнести бумаги в налоговую, если сын Миронова не женится на его дочери.

Директору «Союзинторга» такая перспектива, конечно, не показалась привлекательной, а потому он попытался выкрасть бумаги, наняв какую-нибудь шпану. Когда из этого ничего не вышло, он попытался припугнуть бухгалтера, надеясь на то, что тот предпочтет спокойную жизнь и откажется от задуманного. Но Чиликов оказался человеком не из робких и продолжил свои угрозы. Ход его мыслей понять легко: в случае удачи он, с одной стороны, сохраняет собственную работу, а с другой – устраивает личную жизнь дочери.

Все было очевидным, кроме одного. Допустим, нельзя было их как-то у нее просто отобрать? Зачем понадобилось ее убийство?

Надо бы, кстати, выяснить, кто еще, кроме членов семьи бухгалтера, знал о данной поездке. Естественно, сам Чиликов никому о ней не говорил, предпочитая лично быть на подозрении, не впутывая в свои дела семью. Он, так сказать, действовал исподтишка.

Дочь, возможно, об этих бумагах и понятия не имела, не настолько же ее посвящали во все родители. А сама убитая? Сейчас предположить что-то конкретное я не могла, не представляя себе характер этой женщины, не зная о ней ничего, кроме того, что услышала из уст любящего ее мужа. Но все же исключать, что она кому-то проболталась, хотя бы по чистой случайности, я не стала.

Еще немного подумав, я пришла к выводу, что непременно следует поговорить с Ларисой, подругой убитой. Ей-то, как особе, наиболее приближенной к семье, уж точно известно что-нибудь интересное.

Поисками Ларисы я занялась вечером, предварительно заехав домой и как следует перекусив. Я решила, что подругу Надежды проще всего будет застать дома именно после работы, а потому не слишком торопилась на данное свидание. После ужина я переоделась в брюки и теплую водолазку, села в кресло немного покурить и выпить чашечку кофе, а заодно немного пощелкала пультом, переключая каналы телевизора, и лишь потом спустилась вниз и села в машину.

До дома Ларисы я добралась буквально за пятнадцать минут, учитывая то, что хорошо знаю центральный район города. Найденный в записной книжке убитой адрес, на мое счастье, оказался правильным. Дверь мне открыла хозяйка – красивая блондинка средних лет.

Лариса была под стать Надежде: такая же ухоженная, внешне эффектная. В этот вечерний час на ней было короткое черное платье с белым кружевным воротничком и точно такими же вставками по бокам юбки. Волосы были заплетены в тугий колосок, а макияж практически отсутствовал, вернее – был настолько искусным, что совершенно не бросался в глаза.

– Вы Лариса Витальевна Шапкина? – на всякий случай спросила я, хотя уже не сомневалась в этом.

– Да, я. А что вы хотели? – спросила в ответ хозяйка, с интересом рассматривая меня.

– Я к вам по поводу убийства Надежды Валерьевны Чиликовой, – начала я. – Вы, кажется, с ней дружили?

Женщина кивнула, подтверждая, и задала вопрос:

– Так, значит, вы из милиции? А я-то удивляюсь, почему до сих пор ко мне никого не прислали. Наверняка ведь всех, кто с ней общался, опрашивали.

– Нет, я не из милиции, я частный детектив. Меня нанял Павел Сергеевич, чтобы выяснить, кто виновен в смерти жены. Да, я не успела представиться – Иванова Татьяна Александровна.

– Ну а меня вы уже знаете, – в свою очередь заговорила женщина, – так давайте без церемоний. Входите, а то у меня сейчас чайник закипит.

Я вошла в квартиру, и хозяйка усадила меня за стол, на котором через пару минут появились два бокала с ароматным дымящимся кофе. Устоять против такого соблазна я не могла, а потому позволила себе сначала немного расслабиться, беседуя с Ларисой на нейтральные темы. И только лишь когда кофе был выпит, чашки отставлены в сторону, мы перешли к делу.

– Насколько мне известно, вы хорошо знали Надежду Чиликову, – начала я разговор. – Не подозреваете ли кого в ее смерти?

– Да что вы, кого я могу подозревать! Мы, конечно, общались с Надей довольно часто – вместе посещали магазины, салоны красоты, фитнес-клубы. Как и полагается, делились своими проблемами, но чего-то такого, из-за чего можно было бы убить, она мне не рассказывала. Надежда была не из тех, кто выносит сор из избы.

– Это мне уже известно. И все же... вспомните хорошенько, не говорила ли она о проблемах на работе своего мужа. Например, о том, что его собираются уволить?

– Нет, но в последние дни по ней было видно, что дома у нее что-то не ладится. Она дважды отказывалась от посещения выставки ювелирных изделий, не поехала и на показ мод, чего раньше с ней никогда не бывало. Я про себя подумала, что она переживает так из-за дочери, но... наверное, ее могло тревожить и что-то другое.

На минуту Лариса ушла в себя, вероятно, припоминая совместное с Надеждой Чиликовой времяпрепровождение. Чувствовалось, что потерю лучшей подруги она переносит тяжело. Желая как-то вернуть свою собеседницу в настоящее время, я слегка кашлянула и спросила:

– Вы общались с Надей в день убийства?

– Нет, у меня как раз дочь с мужем из Новороссийска приехали, так мы вместе гуляли. А почему вы об этом спросили?

– Просто мне нужно выяснить, кто знал о том, что Надежда Валерьевна в тот день отправится к себе на дачу, – напрямую сказала я.

– Увы, я не могу попасть в ваш список, так как ничего не слышала об этой ее поездке.

Я задумалась. Не верилось, чтобы лучшая подруга не знала чего-нибудь такого, что бы помогло расследованию. Вероятно, я что-то упустила, не задала каких-то вопросов. Я решила попробовать пробежаться по событиям еще раз и была сразу вознаграждена. Едва я спросила Ларису, известно ли той, кто отец ребенка Марии, она немедленно воскликнула:

– Еще бы не известно! Вот где была самая большая головная боль Надюши. Ведь этот юный ловелас Георг ее дочь не только ребенком наградил, но и умудрился влюбить в себя по самые уши. Что поделать, молодость...

Теперь мне стало понятно, почему Мария Чиликова так вздыхала, когда я слегка засомневалась в виновности Миронова. Стало быть, девушка разрывается между сочувствием к отцу и преданностью любимому.

– А как относились Чиликовы к этому молодому человеку? – полюбопытствовала я.

– Сложно сказать. Павел, кажется, ему симпатизировал, до поры до времени. Надя же считала его недостойным дочери, но, учитывая сложившуюся ситуацию, была согласна на брак. Да только Миронову-младшему ребенок совсем не нужен. Георг весь в папочку родился: на первом месте карьера – давно метит в коллегия адвокатов попасть, окончил здесь институт на «отлично», готовился к экзаменам в Москве. Да только... какой из него адвокат, если он наркотиками балуется! Мы с Надей однажды его в ресторане «Вива» видели, где он, никого не стеснясь, принял очередную порцию кокаина, а потом стал вести себя просто отвратительно. И какая у него может быть после этого репутация... – Лариса недовольно фыркнула. – Видели бы вы, какие снимки Надюша в тот вечер сделала: сын босса «Союзинторга» за приемом наркотиков, потом он же исполняет стриптиз на столе... Ну и много другого подобного, в том же духе.

Услышав это сообщение, я мысленно легко расставила все события по своим местам. Для подтверждения выводов не хватало некоторых деталей, которые я решила прояснить прямо сейчас же.

– А вы не помните, это произошло до того, как стало известно о беременности Марии, или уже после? – спросила я Ларису.

– После. Надежда еще, когда мне фотографии показывала, усмехнулась: мол, она припугнет теперь немного паренька, может, тот и поумнеет. А так бы она его и вовсе снимать не стала, больно он ей нужен...

Все сходилось: беременная девушка, отказывающийся жениться отец ребенка, разъяренные родители... Похоже, отец и мать Марии действовали каждый по – своему, но ради одной и той же цели: хотели заставить Миронова-младшего жениться на их дочери. Получалось, что Чиликов шантажировал Миронова-старшего бумагами, а его жена тем временем делала то же самое, но непосредственно с его сыном. Цепочка замкнулась.

У меня практически не вызывало сомнений то, что смерть Надежды Валерьевны была нужна больше всего сыну босса, мечтавшему о карьере и не желавшему вешать себе на шею жену с ребенком. О бухгалтерских документах, которые везла Чиликова, парень мог и не знать вовсе, а охотился он именно за фотографиями.

– Вы извините, что нарушаю ваши размышления, – вывела меня из задумчивости Лариса, – но у меня назначена встреча, а я еще не готова. Еще что-то узнать желаете?

– Только одно, – ответила я. – Известно ли вам, где сейчас находятся эти самые фотографии?

– Даже не представляю. Скорее всего – среди остальных бумаг Нади. Но если они вас так интересуют, могу дать адрес фотографа, к которому Надежда всегда обращалась, когда хотела получить хороший портрет. Она любила фотографироваться. Я, кстати, тоже не раз пользовалась его услугами. Уверена, что эти снимки тоже он печатал, может быть, и знает, где они сейчас.

Я прикинула, что даже если фотограф не имеет точного представления о том, где находится пленка, – хотя как раз у него она и могла храниться, никто ж на него не подумает, – то наверняка знает, что именно на ней было запечатлено и когда она была отснята. Это, конечно, не бог весть что, но в данной ситуации любая информация очень кстати. Придя к такому выводу, я согласилась на предложение Ларисы.

Она сходила за своей сумочкой, достала из нее записную книжку и, немного полистав ее странички, продиктовала адрес фотографа. Затем Лариса встала и направилась к двери, тем самым давая мне понять, что разговор наш закончен.

* * *

Получив адрес фотографа, я не задумываясь поехала к нему, чтобы сегодня же прояснить кое-какие детали. При этом я очень надеялась, что тому хоть что-то известно или что пленка все еще находится у него. Уж тогда-то мне многое станет ясно.

Доехав до нужной улицы, я свернула на нее и... начала проклинать наши российские дороги: в этом закутке они напрочь отсутствовали, причем уже давно. Вместо асфальта на дороге кучами валялся всевозможный мусор вперемешку со щебенкой, которая разлеталась во все стороны из-под колес. И только через несколько десятков метров асфальт вновь появился. Но, к счастью, мне удалось доехать до нужного дома, не повредив машины.

Быстро найдя квартиру фотографа, я нажала на дверной звонок и стала ждать. Никто не открывал, и даже шума за дверью не было слышно.

«Не повезло, его еще нет дома. Фотографы – народ богемный, для них сейчас день в самом разгаре. И Федор Сергеевич – так звали „придворного“ фотографа Надежды Чиликовой

– мог отправиться после работы куда-нибудь с камерой, – мелькнуло у меня в голове. – Если это так, то сегодняшняя поездка окажется бессмысленной».

Еще пару раз надавив на звонок, но так и не дождавшись никакой на него реакции, я решила потревожить соседей, которым вполне может быть известно, где находится фотоателье Федора Сергеевича или хотя бы примерное время его появления дома вечером. Дверь открыли мне сразу же, едва я дотронулась до кнопки звонка квартиры напротив.

– Вам кого? – выглядывая из-за слегка приоткрытой двери, спросила старушка.

Я извинилась за беспокойство, показала свои «корочки», которые остались у меня с того времени, когда я работала в прокуратуре. А потом поинтересовалась, не знает ли старушка, где я могу найти ее соседа. После моего вопроса она распахнула дверь шире и, горестно замотав головой, произнесла:

– А ты разве, дочка, не в курсе? Убили Федора Сергеевича на днях. Прямо в квартире и убили. Хороший был человек, добрый, никогда никому не отказывал, – она тяжело вздохнула, а затем вновь обратилась ко мне: – А я было подумала, вдруг ты его родственница какая или невеста...

– Нет, – ответила я, ошарашенная известием, а затем пояснила: – Я хотела задать ему пару вопросов, но никак не предполагала, что его уже нет в живых. А вы не знаете, кто его убил и почему? – любопытствовала я у бабульки, предположив, что она наверняка что-нибудь знает по этому поводу.

– Да кто же знает, дочка... Милиция сказала, вроде как фотографии какие-то у него искали, весь дом перевернут был. А убийцу до сих пор не нашли. Ох, что и говорить, у нас так всегда – убьют хорошего человека, и дела никому до этого нет.

«Вот те раз! – подумала я. – Еще одно убийство. Фотограф погиб, и как раз тогда, когда мне понадобилось расспросить его по поводу снимков, сделанных Надеждой Чиликовой. Случайность?»

Не углубляясь пока в подробные рассуждения, я задала старушке следующий вопрос:

– А давно это случилось? Убили его когда?

– Убили-то? Да буквально на днях. Уж не знаю, кому Феденька помешать мог, – все никак не могла уговориться жалостливая бабулька. – Ножичком пырнули... И ведь прямо в сердце, ироды!

– А вы не знаете, у кого сейчас ключи от его квартиры находятся? – на всякий случай любопытствовала я. – Может, кто из родственников забрал или членов семьи?

Бабулька тяжело вздохнула и даже пару раз всхлипнула:

– Близких-то не было у него никого. Мать два года как умерла, а с отцом они не ладили. Жenu и ребенка завести пока не успел, так что квартира-то совсем без присмотра осталась. Ключи от нее, наверное, все еще в милиции лежат. А как же это ты, дочка, про убийство-то не знала? – неожиданно насторожилась старушка.

– Я из другого отдела и совсем по другому вопросу пришла, – ответила я ей, не вдаваясь ни в какие разъяснения.

Как ни странно, бабушка моим сообщением удовлетворилась и вновь начала причитать, но на сей раз по поводу того, что город заполонили преступники и скоро простому человеку от них совсем житья не станет. Я же, прервав ее восклицания, поблагодарила за помощь и спустилась на этаж ниже. Там я набрала по мобильнику номер рабочего телефона Кириянова и, дождавшись, когда он возьмет трубку, сразу перешла к делу:

– Володя, извини, конечно, но мне опять требуется от тебя помощь. Я, кажется, выяснила, что одно ваше «висяковое» дело связано с другим убийством, и очень крепко.

– Что ты имеешь в виду? – заинтересовался Кирия.

– Я об убийстве Чиликовой. Тебе случайно не попадало в руки дело некоего Федора Сергеевича Доронина, фотографа, зарезанного на днях в своей квартире? Если мои подозрения верны, то причина его убийства, как и убийства жены Чиликова, одна.

– Вот так новость! А мы тут совсем голову сломали, кому помешал вдруг этот парень, совсем никаких зацепок по его делу нет. Так что ты выяснила?

– Расскажу потом. Мне очень нужно попасть в его квартиру, а ключи, как сказала соседка, находятся в милиции. Можешь достать?

– Ты хоть знаешь, о чем просишь, а, Тань? Кто же мне их даст, если они среди вещей убитого переписаны лежат? Да и делом не я, а совсем другой человек занимается.

– Ну постарайся, тебе же это ведь тоже выгодно, – умоляюще произнесла я, прекрасно зная, что Киря, хоть всегда и упирается, потом находит способ добыть то, что мне надо. – Я тебя у квартиры встречу. Ну так как?

– Хорошо, я попробую. Но обещай, что тогда расскажешь мне все, до чего докопалась, – потребовал он.

– Хочешь лишить меня куска хлеба? – шутя произнесла я.

– Кто бы говорил... – усмехнулся в ответ Кирьянов. – После твоего вмешательства нам скоро закрываться пора будет, дел-то и не осталось.

Ну, тут он, конечно, преувеличивал. Я очень часто сдавала преступников именно ему, чем как бы даже помогала его отделу повысить раскрываемость преступлений. Перекинувшись еще парой шутливых фраз, мы с Кирей договорились, что через часок он подъедет с ключами к квартире, где я буду его ждать.

Кое-как скоротав этот самый часок, который почему-то растянулся на все два, я таки дождалась Кирьянова и буквально накинулась на него с вопросами, когда он появился на лестничной клетке, где воздух уже посинел от выкуренных мной за время томительного ожидания сигарет.

– Ну как, привез ключи? А по этому убийству что откопал?

О последнем я Кирю по телефону не просила, но хорошо знала, что он уже наверняка запросил и пролистал дело, чтобы быть в курсе.

– Все, как заказывали, – по-дружески обняв меня, ответил Киря. – Вот ключи, а вот и бумаги по делу, – он протянул мне папку и тут же был награжден моим благодарным поцелуем в щеку.

Мы быстро поднялись на нужный этаж и, открыв дверь, вошли в квартиру фотографа. Как я себе и представляла, внутри все стены были сплошь увешаны фотографиями, кстати, очень даже качественно сделанными. Понятно теперь, почему Надежда Чиликова и ее подруга обращались именно к этому парню, а не к кому-то еще, – Федор хорошо знал свое дело.

– Ну и что ты хочешь найти в этом погроме? – оторвал меня от размышлений Киря, продолжая стоять у двери и созерцая кавардак, царивший в комнате. – Наши ребята тут работу провели, но вроде бы ничего интересного не обнаружили.

– Так ведь они и не знали, что искать надо, а я знаю, – гордо ответила я и направилась к целой горе снимков и пленок.

– Может, и мне скажешь? Авось пригожусь... – донесся сзади голос друга.

Я кратко поведала Кире, к какому выводу успела прийти, и попросила помочь поискать тут снимки эротического характера. Мы начали наши поиски, то и дело перекидываясь шутливыми фразами по поводу некоторых найденных карточек. Когда же мы, перетряхнув все имеющееся в доме, так ничего и не обнаружили, наше настроение слегка упало.

– Ну, что думаешь делать теперь? – поднимая с пола последнюю папку с фотокарточками, спросил Киря.

– Еще не знаю. Нужно подумать, – откликнулась я и направилась к двери. Кирьянов последовал за мной.

Глава 3

Я сидела на диване и курила уже вторую сигарету. Спать не хотелось, да и собранная информация требовала тщательного анализа. Еще в доме Ларисы, придя к мысли о том, что убийцей жены Чиликова мог быть сын Миронова – не сам, конечно, хотя чем черт не шутит, – я уверилась в этом еще больше, когда узнала, что убит тот самый фотограф, который с пленкой работал. Не совсем понятно, правда, откуда Георгу стало о нем известно, но факт оставался фактом – в доме Федора все было перевернуто явно в поисках снимков. Правда, он был убит буквально за пару дней до того, как погибла Чиликова, и получалось, что фотограф со снимками почему-то засветился намного раньше, чем Надежда Валерьевна.

Как такое могло произойти? Может, Федор решил тоже пошантажировать семейство Мироновых и срубить с них бабки? Тогда все было бы ясно: он показал снимки Миронову-младшему, тот предпочел избавиться от него и, найдя фотокарточки в его квартире, успокоился. Но не тут-то было: объявилась мамаша Марии и стала угрожать ему теми же фотокарточками, пришлось убрать и ее.

Такой расклад казался мне логичным. Но я не отрицала и возможности того, что фотографа могли убить совсем из-за других фотографий, уж такая у него работа. Но пока я занимаюсь делом Чиликовых, забывать про погибшего Федора все-таки не стоит.

Еще раз пробежавшись мысленно по выведенной мной цепочке, я решила, что убийцей все же является Георг. А потому теперь пыталась придумать способ выведения его на чистую воду.

Пойти к подозреваемому просто так я не могла – у него нет никакой необходимости признаваться кому бы то ни было в содеянном. Миронов-младший по образованию юрист, наверняка хорошо знает свои права, его просто так, на испуг, не поймашь. Значит, нужно придумать иной способ, чтобы выявить его причастность к убийству.

Я встала и нервно прошлась по комнате.

Так, поход в дом к Мироновым отмечается сразу – его результат, заранее известно, будет нулевым. Лучше всего подловить подозреваемого где-то в другом месте. Стоп! Лариса упоминала, что они с Надеждой видели его в ресторане «Вива». Вполне возможно, что он частый его посетитель, раз уж балуется наркотой. Не заглянуть ли мне туда прямо сейчас? Время как раз самое подходящее: половина десятого.

Я еще раз прошагала расстояние от одной стены до другой и окончательно решила, что делать. Быстро заглянула в ванную комнату, где умылась и расчесалась. Затем открыла шкаф с одеждой и погрузилась в созерцание довольно разнообразных по стилю вещей. Необходимо было выбрать что-то, что подходило бы для вечернего похода в данное заведение.

– Так, – размышляла я вслух, – длинное, строгое вечернее платье не подходит – иду не на прием для интеллигентных гостей, а на молодежную тусовку. Может, тогда короткое платьице цвета морской волны с глубоким вырезом? Нет, тоже не то.

Я задумалась, Надо бы одеться во что-то такое, что сейчас предпочитает носить молодое поколение. И тут мой взгляд упал на оригинальный джинсовый костюмчик, который я приобрела на днях, но пока еще никуда не надевала. А что, как раз то, что надо: приспущенные на бедра брюки – клеш с большим количеством разрезов по бокам и на коленях, короткая джинсовая рубашка с невероятным числом карманов и широкий пояс с огромной бляхой.

Добавив к этому одеянию белые мягкие кроссовочки и небрежно заколов волосы на затылке, я легкой походкой сбежала по лестнице вниз и направилась к машине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.